

Олег Тупицкий

Сон? Нет!

Олег Тупицкий

Сон? Нет!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24612404

ISBN 9785448539732

Аннотация

Сборник составили стихотворения, написанные в течение четверти века, и каждое из них умещается в объёме «спасительных четырнадцати строк».

Содержание

«Бысть: зачинали и рожали...»	7
Четыре неклассических сонета	8
«Однако ж, осень, пёс её дери...»	9
«А не пойти ли нам с тобой в театр?..»	10
«Я, помнится, вчера наговорил...»	11
«Ну, что нам может предложить эфир?..»	12
«Небесные цветы дворов и пустырей...»	13
«То ли прихоть, то ли глупость...»	14
«Я говорю а кто такие мы...»	15
«Возьму да сочиню сонет...»	16
«Когда настигнет немота...»	17
«Я рано встал и посмотрел в окно...»	18
Псалом 136	19
«И слов не счесть, а нечего сказать...»	20
«Я посмотрел в окно и удивился...»	21
«Между двумя крутыми берегами...»	22
«Пахнуло холодом. Зима...»	23
«Все чего-то просят у Бога...»	24
«Красноречивый, как сорока...»	25
«Всю жизнь твержу заученное впрок...»	26
«Мне хорошо за сорок. Листопад...»	27
«При входе каждый вытянул свой фант...»	28
«Жизнь можно вычерпать до дна...»	29

«Наверно, я от поезда отстал...»	30
«Уйдя из дома в поисках страстей...»	31
«Бывает, винопитием грешу...»	32
«Родная, так и быть – я не Орфей...»	33
«Своя судьба любая хороша...»	34
«Храм над рекою чудо как хорош...»	35
«Пряду века связующую нить...»	36
«Ещё по мне скучает Персефона...»	37
«Всё б Ариадне слёзы лить...»	38
«Отечество, как чёрная дыра...»	39
«Лишь только для того, чтобы извлечь...»	40
«Теряю выражение лица...»	41
«И как ещё только жива...»	42
«На улицу выйду морозным...»	43
«Имею законное право...»	44
«Мы слов Его не поняли, увы...»	45
«Бессонница. Когда же утро?...»	46
«Один – полцарства за кобылу...»	47
«Я даже с ветра поле...»	48
«Не затяну Аве, Мария...»	49
«Его просили: «Дай нам днесь...»	50
«Меня до слёз пробило на хи-хи...»	51
«Ошибка в том или вина...»	52
«Когда бесплодная зима...»	53
«Тому назад почти две сотни лет...»	54
«Простые радости люблю...»	55

«Ты бросил семя, и взошёл росток...»	56
«Негаданно февраль ворвался в дом...»	57
«В прах вдунул жизнь и поместил в саду...»	58
«Один, как бомж, скитался днём с огнём...»	59
«Февраль волочит канитель...»	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сон? Нет!

Олег Тупицкий

© Олег Тупицкий, 2017

ISBN 978-5-4485-3973-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Бысть: зачинали и рожали...»

Бысть: зачинали и рожали,
над колыбелькою дрожали,
поутру в школу провожали...
Глядишь, дожил до тридцати.
Есть: зачинаю и рожаю,
поутру в школу провожаю...
Ни у кого не вопрошаю,
что ожидает впереди,
так как осведомлен в ответе —
однажды доживу до смерти,
над гробом подведут итог.
Потом в угодный Богу срок
сгниет в могиле плоть моя.
Что дальше будет? Ни ***.

Четыре неклассических сонета

«Однако ж, осень, пёс её дери...»

Однако ж, осень, пёс её дери,
берёт за горло тощего бродягу,
меня, да так, что ощущаю тягу
глотнуть вина. Такие сентябри
последние лет пять не наблюдали
и старожилы. Что ни говори,
неделю солнца, остальные три
дождей и грязи вынесешь едва ли
без ропота. Я вас прошу, не стоит,
оставьте ваши мудрые советы
носить ботинки, шляпу и пальто.
Весьма растроган, но, как истый стоик,
тем согреваюсь, что пишу сонеты.
Продать бы, да не зарится никто.

«А не пойти ли нам с тобой в театр?..»

А не пойти ли нам с тобой в театр?
Он тем хорош, что он провинциальный,
не модный, не опальный, не скандальный.
И разве в этом кто-то виноват?
Неважно, что дают. Пусть детектив
А. Кристи или драму Реттигана.
– О, леди Гамильтон *** путана, —
сказал бы современный нам кретин.
Замечу здесь для полноты картины,
что этих развелось – хоть гать гати.
Досадно, что Господние пути
пересекают наши палестины
лишь изредка. Но каждому по вере.
Обнимемся в полупустом партере.

«Я, помнится, вчера наговорил...»

Я, помнится, вчера наговорил
воз гадостей по случаю скандала.
Ты отвечала, что меня видала
в гробу и тапках. Я же матом крыл
и всех и вся. Дошло до мордобоя.
Пером не описать, что вытворял
в запале, разве только не стрелял —
ружья не оказалось под рукою.
Прости. Не плачь. Я вёл себя, как скот.
Но глаз тому, кто старое помянет
долгой. Фонарь до свадьбы заживет.
Свинья не съест, Всевышний не обманет.
А рот на посторонний каравай
ни в коем разе впредь не разевай.

«Ну, что нам может предложить эфир?..»

Ну, что нам может предложить эфир?
Диктаторы, министры, президенты —
могущие, но тоже претенденты
в для каждого доступный лучший мир.
А посему давай устроим пир
и загудим, как пьяные студенты,
поскольку, так сказать, ингредиенты —
сиречь бутылка водки и зефир,
с водой водопровод и пачка чаю —
в наличии имеются. Я чаю,
мы поздно засидимся за столом.
Потом поставим с Нопфлером кассету,
возьмём недельной давности газету
с кроссвордом, погадаем перед сном.

«Небесные цветы дворов и пустырей...»

Небесные цветы дворов и пустырей
влекут меня к себе невнятно и тревожно.
Я сделал первый шаг. Я вышел из дверей.
Я не могу сказать, вернусь ли. Невозможно
предвидеть результат внезапных перемен,
стремительный итог уходов без прощаний.
Искусство быть вдвоём не знает ни времён,
ни комнат, где скелет напрасных обещаний,
скрываемый в углу от посторонних глаз,
не хочет присмиреть и цокает костями.
Его немой укор, его истошный глас
не значат ничего для движимых страстями
по вечному пути. Незванными гостями
им так легко идти с худыми новостями.

«То ли прихоть, то ли глупость...»

То ли прихоть, то ли глупость,
то ли детская мечта —
я хочу красивый глобус.
Не пускает нищета.

Ни круиза, ни исхода.
Где Синай и Арарат?
Невесёлые итоги.
Видно, правду говорят:

бедолагам, у которых
курам нечего клевать,
испокон даётся выбор —
грызть в тоске сухарь обиды
или радоваться жизни
и о глобусе мечтать.

«Я говорю а кто такие мы...»

Я говорю а кто такие мы
лелеющие мелкие обиды
имеющие призрачные виды
в полушаге от сумы или тюрьмы
паломники бредущие из тьмы
во тьму и не хулящие планиды
искатели Эдема Атлантиды
и золота в бассейне Колымы
высокие и подлые умы
прекрасные творенья инвалиды
быки и матадоры без корриды
в болоте ежедневной кутерьмы
на фоне лета осени зимы
весны до жизни после панихиды

«Возьму да сочиню сонет...»

Возьму да сочиню сонет,
ущербный без высокой темы,
как Пифагор без теоремы
или корнет без эполет.
Пардон, а почему бы нет?
Какие могут быть проблемы
в координатной сетке, где мы
мой наблюдаем силуэт?
И пусть я вовсе не поэт,
коль не способен для поэмы
достойный подыскать предмет
изображения. Привет!
Я выпадаю из системы —
пойду, приму парад планет.

«Когда настигнет немота...»

Когда настигнет немота,
тогда узнаешь цену слова
безмерную и станешь снова
пытаться разомкнуть уста.

Начать бы с чистого листа
и жить до одури толково.
Пустое. Не дано иного.
Расклад – и в бубнах без виста.

Такая слабая звезда
мерцает. А теперь о главном:
игра словами непроста,
хотя и кажется забавным,
что речь течёт потоком плавным,
как листья падают с куста.

«Я рано встал и посмотрел в окно...»

Я рано встал и посмотрел в окно
на небо, где последний месяц лета
за несколько мгновений до рассвета
неосторожно расплескал вино.

И я спросил тогда: – За что мне это
прекрасное мучение дано,
и эта радость уронить зерно?
Но мой вопрос остался без ответа.

В конце концов, не всё ли мне равно —
взбираться в гору, уходить на дно,
выслушивать советы и наветы,
когда всё решено и сочтено,
и каждому до смерти суждено
разыгрывать библейские сюжеты.

Псалом 136

В те дни, когда сидели мы
при мутных реках Вавилона
и плакали, ко мне из тьмы
звучала музыка Сиона.

Мой притеснитель каждый день
велел мне петь и веселиться —
я вешал арфу на плетень,
не соглашаясь покориться.

Как можно петь земле чужой
ничуть не покривив душой?

Да пусть отсохнет мой язык
и будет плоть моя казнима,
когда превыше всех музык
я не поставлю Иерусалима.

«И слов не счесть, а нечего сказать...»

И слов не счесть, а нечего сказать.
Какая-то неведомая сила,
в зенит подняв, так низко опустила,
что мыслей воедино не связать.

Теперь сижу, покойной тёщи зять —
Харибда одесную, слева Сцилла
(на ошуюю места не хватило).
И взятки гладки. Что с больного взять.

Вот так всегда, когда из грязи в князи:
явилась муза (месяца..., числа...)
и, щедро пожелав поймать мне язя,
который между ног у девок лазит,
кивнула величаво и ушла.

А говорят, кто любит, тот не сглазит.

«Я посмотрел в окно и удивился...»

Я посмотрел в окно и удивился
ночному отражению в окне.
Когда б ни православный крест на мне,
пошёл бы в туалет и удавился.

Кто объяснит, зачем же я родился
и чудом выжил, ежели стране,
меня топившей с юности в вине,
я, по большому счёту, не сгодился?

Живу ненужный, бесполезный, зряшный,
пока здоровый и немного зрячий,
не жалости достойный инвалид,
совсем неглупый, в меру ироничный,
вполне красивый, очень неприличный,
пассивный социально индивид.

«Между двумя крутыми берегами...»

Между двумя крутыми берегами,
где каждый норовит во всей красе
прогарцевать по встречной полосе
и уцелеть при этом, где веками
из рода в род твердят за стариками,
что помирать собрался – жито сей,
где прихоть разговаривать стихами
не баловство, но дело жизни всей,
где удочками самыми простыми
апостолы таскают карасей,
и ангелы стреляют холостыми
забавы ради спасших Рим гусей —
я сам себя вожу, как Моисей,
без компаса задворками пустыми.

«Пахнуло холодом. Зима...»

Пахнуло холодом. Зима
не за горами. Шатко, валко
гуляем по аллеям парка.
Как тут не выйти из ума,
когда безжалостная парка
без чуждой помощи, сама
сжигает дни и греет жарко
окоченевшие дома.

Она старается напрасно.
Наш быт суров и непригляден —
коль не тюрьма, то кутерьма.

Умрём, и сразу станет ясно,
что не стереть родимых пятен,
со лба не вытравить клейма.

«Все чего-то просят у Бога...»

Все чего-то просят у Бога.
Кто спасения, кто вина
для спасения. Цель одна —
заслониться от быта убогого.

И когда сужу себя строго, я
понимаю – моя вина,
пусть невольная и немногая,
в том, что ноосфера больна,
что, засвеченная радарам
и огнями военных костров,
жизнь шатается под ударами
эпидемий и катастроф.

Окончательный счёт не даром и
не напрасно будет суров.

«Красноречивый, как сорока...»

Красноречивый, как сорока,
лесной костёр мне натрещал:
– Не забывай своих начал,
чтоб не раскаяться жестоко.

Несвоевременно, до срока
зачем оставил свой причал,
где ненавязчиво и строго
родной прибой тебя качал?
По глупости? По воле рока?

Теперь плетёшься одиноко
в неведомо какую даль.
Там нет ни Бога, ни пророка —
лишь бесконечная дорога
и беспредельная печаль.

«Всю жизнь твержу заученное впрок...»

Всю жизнь твержу заученное впрок:
что свято место не бывает пусто,
и в огороде выросла капуста,
и в собственном отечестве пророк
нелеп и неуместен. Назубок
я знаю – в мире чуду места нету,
поскольку нашу хрупкую планету
исследовали вдоль и поперёк,
и привечают по фасону платья,
и Бог не фраер, и все люди братья,
и всякий овощ зреет в должный срок.

Шепчу невероятные проклятья,
отчаиваюсь, падаю в объятия
спасительных четырнадцати строк.

«Мне хорошо за сорок. Листопад...»

Мне хорошо за сорок. Листопад
и склона жизни самое начало.
Казалось бы, ничто не предвещало
души моей стремительный разлад.

Она росла, что твой колхозный сад,
где яблоки на радость винодела,
не ведая закона и предела,
и в недород и в урожай висят.

Теперь никак не повернуть назад —
идуший по сомнительной дороге
до смерти обречён увечить ноги.
Я проиграл в два хода. Шах и мат.

Отцом клянусь, ползучий буду гад:
сонет – наркотик и сильнейший яд.

«При входе каждый вытянул свой фант...»

При входе каждый вытянул свой фант.

Друзья мои, я слабый утешитель,
и потому – хотите ль, не хотите ль —
признайте очевидный этот факт
и подпишите с вечностью контракт.

А кто же я? Школяр или учитель?
Заблудшая овца или спаситель?
Мастеровой или негоциант?
Созвучных слов ловец и укротитель,
я только лишь поэт – на треть мыслитель,
на треть любовник, балагур на треть.

В который раз пришёл ноябрь. Слякоть.
Когда б ни смех, осталось только плакать
или, что много хуже, умереть.

«Жизнь можно вычерпать до дна...»

Жизнь можно вычерпать до дна
добычей хлеба и вина,
но лучше просто жить беспечно,
при этом понимать, конечно,
всегда, в любые времена,
что радость не продлится вечно,
и что Вселенная одна
непостижимо бесконечна.

А смертным дан удел такой:
согласно общему закону
забросим кеды за икону
и удалимся на покой,
чтоб в сентябре по небосклону
плыть облаками над рекой.

«Наверно, я от поезда отстал...»

Наверно, я от поезда отстал
и навсегда остался на перроне.
Сижу пенёк пеньком, как шут на троне.
Вокруг шумит большой базар-вокзал.

Ревут фанфары, сломана сурдинка.
Мы вольность променяли на устав.
Куда ни плюнь – везде законы рынка,
и каждый метит влезть на пьедестал.

О, Господи! Насколько я устал
смотреть на мир, где каждая снежинка —
воды несостоявшийся кристалл,
а не лебяжья лёгкая пушинка
из ангельских перин и одеял.

Так кем я был и кем в итоге стал?

«Уйдя из дома в поисках страстей...»

Уйдя из дома в поисках страстей,
ломаем шеи на альпийских тропах,
сбоим на неудобных поворотах —
об этом каждый выпуск новостей.

Я о другом. У света шесть частей.
В Америках, Австралиях, Европах
не перечить оставшимся в сиротах
и медленно стареющих детей.

Ещё мы не сносили башмаков,
ещё шустрим с покупкой и продажей,
но мама не спасёт от дураков,
рубль не подарит, сказку не расскажет
и больше никогда уже не свяжет
ни свитера, ни шерстяных носков.

«Бывает, винопитием грешу...»

Бывает, винопитием грешу,
но твёрдые имею убежденья —
не стоит потреблять для вдохновенья
марихуану или анашу.

Бывает также, сам себя смешу
дурацким смехом, словно рыжий клоун.

Капризной музой в темя поцелован,
я прошлое, как ветошь, ворошу
и не стихи забавные пишу,
а воздухом отравленным дышу,
и вас не осуждать меня прошу
за то, что я без пауз, во всё горло,
как на рассвете кочет, голошу —
мне грудь от восхищения распёрло.

«Родная, так и быть – я не Орфей...»

Родная, так и быть – я не Орфей
пока что, но и ты не Эвридика.
Мне было бы мучительно и дико
с тобой блуждать по области теней.

Я – не поющий розе соловей.
Обычно разговариваю тихо
или пугаю треском, как шутиха.

По сути, я домовый воробей —
люблю в окно чирикать на рассвете,
люблю дурачить жирных голубей
и на убой раскормленных свиней,
люблю смотреть, когда творенья эти
не замечают сослепу и сдуру
мою провинциальную фигуру.

«Своя судьба любая хороша...»

Своя судьба любая хороша.
Как можно ей пенять – не понимаю
и каждый день с восторгом принимаю,
рутину боязливую круша.

Пускай в карманах часто ни гроша,
Евтерпу вероломно обнимаю,
к сожительству дурёху призываю,
как долларами, рифмами шурша.

Моя непостоянная душа,
смиреница в самой своей основе,
то просит тишины, то жаждет крови
в неистовом порыве куража
и мается, когда не слышит в слове
хотя бы только эхо мятежа.

«Храм над рекою чудо как хорош...»

Храм над рекою чудо как хорош
под серым небом, за литой оградой.
Меня там ждут и мне там будут рады.
Покаялся бы, но туда не вхож.

Всё правильно, когда себе не лжёшь
и на рожон не лезешь за наградой.
Стою, смущён сезонною утротой
в преддверии метелей и порош.

Внизу зажатый берегами Сож
в своём стремленье к югу неустанном
лежит, как меж Изольдой и Тристаном
не меч, но обоюдоострый нож.

Какое счастье – здесь и вдалеке —
жить в городе, стоящем на реке.

«Пряду века связующую нить...»

Пряду века связующую нить.
Всё то, что было до меня разъято
с какой-то целью кем-то и когда-то,
я намертво могу соединить,
лишь дайте до конца договорить.

Не нужно мне ни серебра, ни злата
от вас – у самого ума палата.
Учите ваших бабок щи варить.

Скажу: «Как знать», – послышится: «Казнить».
Перепеваю песню то и дело.
Уже достиг заветного предела
и отправляюсь в Рим гусей дразнить.

Игру словами можно длить и длить,
но жажды всё равно не утолить.

«Ещё по мне скучает Персефона...»

Ещё по мне скучает Персефона.

В своём жилище с окнами на юг
и видом на Тельца и Ориона
о пору гололедицы и выюг
я всякий раз вполне определённо
испытываю радостный испуг,
когда закономерно и законно
Земля условный замыкает круг.

Нависнув над перилами балкона,
смотрю в зеницы вечности сам-друг.

Спасаясь от разлада и раскола
и душу охраняя от разлук,
люблю ночное небо созерцать
и папиросным огоньком мерцать.

«Всё б Ариадне слёзы лить...»

Всё б Ариадне слёзы лить,
обняв героя на дорогу,
в морской пучине хоронить
его до времени, до срока.

Ну, чем её развеселить?
Чем успокоить недотрогу?
Забавы ради сочинить
сонет? элегию? эклогу?

Так, развлекаясь понемногу
невольной магией письма,
я надоел себе весьма.

Пришла пора залечь в берлогу.
А как вы думали? Зима...
И хорошо. И слава Богу.

«Отечество, как чёрная дыра...»

Отечество, как чёрная дыра,
в один присест глотает с потрохами
посмевших правоверными стихами
не осквернить ни мыслей, ни пера.

О, Господи! Дожить бы до утра
в своей шкатулке за семью замками,
чтобы чуть свет подняться с петухами,
не зная горькой участи Петра.

И дай мне силы избежать искуса,
имея дар, продаться за талант
(по-нашему – без малого два пуда).

Из жадности продешевил Иуда.
Бездарный оказался коммерсант,
а вспоминают чаще, чем Иисуса.

«Лишь только для того, чтобы извлечь...»

Лишь только для того, чтобы извлечь
или смарагды, или изумруды
(что суть одно, но не об этом речь),
ворочать слов немислимые груды.
Перемывать отвалы. Плавить руды
железные. Хлеба и булки печь.
А после в одночасье от простуды
скончатся и под памятник залечь.

Мы на планете – плесень и парша.
Нам через поколение едва ли
поверит кто-то, что и мы пылали,
и стоили поболее гроша.

– Да, – скажут, – было тело. А была ли
взыскующая вечности душа?

«Теряю выражение лица...»

Теряю выражение лица,
под пятками утрачиваю почву.
Со счёта сбился, сколь ночей воочью
не вижу Ориона и Тельца.

Сонет слепил, а он по швам трещит.
Подсунул музе – изорвала в клочья,
охаяла и подняла на щит
в таких словах, что ставлю многоточья.

Крылатый мой скакун зашился в стойло,
жрёт сено и копытом не стучит.
По пятницам в тоске лакаю пойло —
пить невозможно, просто *факин шит*.
Где Комарово? Шахматово? Тойла?

Ну, кто-нибудь на помощь поспешит?

«И как ещё только жива...»

И как ещё только жива
несчастливая наша планета,
когда передоз це-о-два
страшнее ствола пистолета?

Плутоний, дейтерий, дрова —
чем будет надежда согрета,
не скажет людская молва,
не знают скрижали завета.

Настырно вгоняю слова
в прокрустово ложе сонета,
тяну, ампутую — это
даёт кой-какие права
себя принимать за поэта,
но кругом идёт голова.

«На улицу выйду морозным...»

На улицу выйду морозным
воскресным декабрьским днем
и буду предельно серьезным
со всеми, кто мне незнаком.

Я маленьким детям и взрослым,
осыпанным первым снежком,
могу показаться курьезным
с огромным заплечным мешком,
похожим на Деда Мороза.
но без бороды и усов,
стремительнее паровоза
спешащим на праздничный зов.

Какая нелепая поза —
прожить, не подняв парусов...

«Имею законное право...»

Имею законное право
по жизни и по судьбе
идти против шерсти направо,
налево оставив толпе.

Какая мне разница, право —
на берег другой приведёт
паромная ли переправа,
не видный ли с этого брод.

Отвечу за каждое слово,
за каждый зигзаг на пути.
Пускай понаплёл я пустого,
чего б и не надо плести —
прости меня, Боже, слепого.
Таким уродился. Прости.

«Мы слов Его не поняли, увы...»

Мы слов Его не поняли, увы:

– Очнитесь, маловерные невежды.

Душа и тело пищи и одежды
не больше ли? О том забыли вы?

И лишь тогда узнаем наяву,
когда возьмут к последнему ответу,
что сыну человеческому нету
на свете места приклонить главу.

Кому не лень незнамо сколько лет
мне тычут в нос Рокфеллера и Креза:
мол, денег нет, недвижимости нет.

На это у меня один ответ:

– Как сталь по преимуществу железо,
так я по преимуществу поэт.

«Бессонница. Когда же утро?..»

Бессонница. Когда же утро?
Не возбуждает неглиже —
какая, к чёрту, Камасутра,
когда сомнения в душе.

Часы постукивают нудно.
Ворочаюсь, как на еже,
и вскакиваю поминутно
почти в истерике уже.

Быть может, правильно и мудро,
что жизнь — не мёд и молоко,
что всё так омутно и мутно,
и до рассвета далеко?

Ох, мысли про житьё-бытьё,
переходящие в нытьё...

«Один – полцарства за кобылу...»

Один – полцарства за кобылу,
другой – полжизни за мечту,
но, вспоминая, дело было:
я замер, как на взлёте *Ты*,
неторопливо разбежался,
непринуждённо полетел.
И вслух никто не обижался,
что я достиг, чего хотел —
парил без крыльев за плечами,
едва руками шевеля.
Внизу, на отмели песчаной
моллюски вили вензеля.

Господь не выдумал печальней,
чем белорусская земля.

«Я даже с ветра поле...»

Я даже с ветра поле
сорвал бы барыши,
когда о горькой доле
слабал бы от души,
о том, что в мыслях реже
вспухают мятежи,
и за окном всё те же
вороны да стрижи.

Как лошадь на манеже
заученно кружи,
но не забудь – понеже
заточены ножи,
жить муторно в неволе
без веры в миражи.

«Не затыну Аве, Мария...»

Не затыну *Аве, Мария*,
чтоб слышно было за версту,
не всхлипну, как Иеремия —
все эти звуки в пустоту.

Не княжил я во дни былые,
меня не *ростренакусту*.
Замкнув ряды передовые,
я не погибну на посту.

Я закопался в суету.
Под солнцем это не впервые.
Мою привычную кнуту
трудоголическую выю
намяли дразги бытовые,
похерив всякую мечту.

«Его просили: «Дай нам днесь...»»

Его просили: «Дай нам днесь...»
И он двенадцати коллегам
сказал: «Вы им подайте есть,
сим голодающим калекам».

А мы живём сейчас и здесь,
но к небу глаз поднять не смеем
лишь потому, что был осмеян
принёсший в мир благую весть.

Ошибкам нашим счёту несть.
Мы суетливы и бездарны.
Нам эту ношу вечно несть.

Воспримем по заслугам честь
и будем тихо благодарны
за то, что Он меж нами есть.

«Меня до слёз пробило на хи-хи...»

Меня до слёз пробило на хи-хи.
Циничней, чем патологоанатом,
могу прилично, а могу и матом
изобразить, как пишутся стихи.

О том немало всякой чепухи
поведано доселе нашим братом.
Не верьте – брешем языком богатым,
как рыбаки, отведавши ухи.

Всё много прозаичнее. Накатом
приходят, аномалией природной
являются и давят массой всей.

И, если не случились плагиатом,
то остаются в памяти народной
навечно, как дерьмо и Енисей.

«Ошибка в том или вина...»

Ошибка в том или вина,
что нежная моя природа
под микроскопом не видна
и увядает год от года.

Кому теперь она нужна,
такая стрёмная хвороба?
В ней ни гламура нет, ни стёба,
и пользы тоже никакой.

Осталось выйти на покой
и спрятаться за крышкой гроба —
там ненасытная утроба
в своём величии смешна,
и даже толстая мошна
червям могильным неважна.

«Когда бесплодная зима...»

Когда бесплодная зима
опустошительным набегом
гнетёт безжалостно и снегом
пытает стылые дома,
я понимаю, что сама
собой поэзия напрасна,
но праздностью своей прекрасна.

Игра капризного ума,
она является всегда
из ничего, из ниоткуда
и утоляет, как вода.

Срамно, что, призывая чудо,
я осторожней, чем Фома,
и лицемерней, чем Иуда.

«Тому назад почти две сотни лет...»

Тому назад почти две сотни лет
невдалеке от папского престола,
пока не помер, жил один поэт
происхожденья самого простого.

Других таких и не было, и нет.
Как до и после многие поэты,
он в стол писал скандальные сонеты —
две тыщи с лишним как один сонет.

Однако что-то сдвинулось в природе
нечаянно. Певец простонародья
перековался на иной манер.

На небеси – те просто ***:
«Синьор Джузеппе Джоакино Белли
в цензуре верно служит? Лицемер...»

«Простые радости люблю...»

Простые радости люблю,
и потому не вижу прока
служить целковому рублю.
Ходили. Гиблая дорога.

Он не один в окошке свет.
Приятнее в жару на речке
позагорать, в мороз на печке
погреться. Жалко, печки нет.

Но надобно иметь доходы.
От воскресенья до субботы,
как жёрнов мельничный, кружусь.

И нипочём не побожусь,
что до предсмертныя икоты
от слов своих не откажусь.

«Ты бросил семя, и взошёл росток...»

Ты бросил семя, и взошёл росток,
по нашим временам довольно странный,
без явной тяги к почве иностранной
и с влажными глазами на восток.

Твой голос я. Твой глиняный свисток.
Простая, незавидная музыка.
Уж лучше так, чем вовсе безъязыко.
Удел немых заведомо жесток.

Пусть отвернутся други и родня,
преследуют обиды о напасти,
кошмары ночи и заботы дня
терзают тяжело и рвут на части —
не оставляй очаг мой без огня
и в день седьмой не забывай меня.

«Негаданно февраль ворвался в дом...»

Негаданно февраль ворвался в дом.
Очередной постылый день рожденья
исчез в морозном небе голубом,
как морок и простое наважденье.

Зима сама в бессилии своём
сошла на нет. На том и порешили —
коль эту худо-бедно пережили,
Бог даст, и не одну переживём.

Что там ещё осталось до весны?
Пустяк. Всего каких-то три недели.
И не заметишь – разойдутся вмиг.

Воронам тесно в кроне у сосны.
Эй, чёрные! Уймитесь, в самом деле!
Не подобает каркать на своих.

«В прах вдунул жизнь и поместил в саду...»

В прах вдунул жизнь и поместил в саду
Эдема под присмотром, на виду,
где дерево познания в плодах,
и золото, и оникс, и бдолах,
и реки, омывающие сад —
Фисон, Гихон, Хиддекель и Евфрат.

Там птиц, скотов и гадов имена
впервые прозвучали. Чья вина
в том, что научный опыт был недолог,
и самый первый на земле биолог
был обречён безрадостным трудам?

Соври мне без зазрения, Адам:
не равно ль было – Ева ли, Лилит
придёт, увидит и закабалит?

«Один, как бомж, скитался днём с огнём...»

Один, как бомж, скитался днём с огнём.
Чего народ ни говорил о нём!
Другой сломал привычный ход вещей
и занялся засолкой овощей.
Но эти два античных чудака
в историю попали на века.

В историю и я бы угодил,
когда бы что покруче учудил.

К примеру, помер от свиного гриппа
или возглавил, скажем, гей-парад,
а то уже который год подряд
досадно слышать рассужденья типа:
«У всякого Сократа есть Ксантиппа,
не у любой Ксантиппы свой Сократ».

«Февраль волочит канитель...»

Февраль волочит канитель
свою серебряную, следом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.